

ПУБЛИКАЦИИ

PUBLICATIONS

М. П. ОЖИГОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА

ПРЕКРАСНАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЭПОХИ

Маргарита Петровна Ожигова (1908–1987) – лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, профессор кафедры сольного пения и оперной подготовки РГМПИ – принадлежит к числу выдающихся музыкантов, которые стояли у истоков высшего музыкального образования на Дону (В. Г. Шипулин, В. М. Гузий, А. П. Зданович, Л. Я. Хинчин, Н. Ф. Орлов и др.). Именно подвижническим трудом этих мастеров был воздвигнут Храм музыке на Юге России.

Жизненный путь каждого выдающегося художника, Личности в искусстве, как правило, изобилует нелёгкими испытаниями. С лихвой досталось их на долю М. П. Ожиговой. Её детство и юность прошли в Ленинграде. В 1931 году она окончила инструкторско-педагогическое отделение Ленинградской консерватории (класс арфы). С 1935 по 1941 годы училась в alma mater на факультете оперной режиссуры (класс профессора Э. И. Каплана), получив диплом за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. Маргарита Петровна добровольно вступила в Дзержинский районный отряд народного ополчения Ленинграда. Позднее она была назначена главным редактором и директором Ленинградского отделения Музгиза. С 1 апреля 1942 года Маргарита Петровна – в рядах Красной Армии. Ей удалось развернуть активную концертную работу в прифронтовых частях. Демобилизовалась Маргарита Петровна в конце 1944 года. Была удостоена правительственных наград: ордена Отечественной войны II степени, медалей «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также юбилейной медали к 40-летию Великой Победы.

В послевоенные годы профессиональная биография М. П. Ожиговой оказалась перемен-

чивой: режиссёр оперного класса Казанской консерватории (1946–1950), Саратовского театра оперы и балета (1950–1959), позднее – Новосибирского оперного театра (1956–1959). За постановку оперы «От всего сердца» Г. Жуковского в 1951 году М. П. Ожиговой была присуждена Сталинская премия II степени. Далее режиссёрская деятельность Маргариты Петровны продолжалась в Ивановском театре музыкальной комедии (1959–1960), Саранском музыкально-драматическом театре (1960–1963), оперном классе Горьковской консерватории (1963–1968). Среди оперных постановок этого периода – «Похищение из сераля» В. А. Моцарта, «Гугеноты» Дж. Мейербергера, «Сицилийская вечерня» Дж. Верди, «Лакме» Л. Делиба, «Иван Сусанин» М. Глинки, «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова, «Чародейка» П. Чайковского, «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Нищий студент» К. Миллекера, «Кето и Котэ» В. Долидзе.

Оценивая творческие достижения М. П. Ожиговой, её близкий друг и единомышленник, прославленный оперный режиссёр Р. И. Тихомиров говорил: «Если наберётся из современных режиссёров достойная троица, то в неё обязательно войдёт Рита» (цит. по: [2, с. 220]).

С 1968 года, приступив к работе в только что открывшемся музыкальном вузе Ростова-на-Дону, Маргарита Петровна целиком посвятила себя педагогике. В РГМПИ она проработала 18 лет, до конца своей жизни: была удостоена звания профессора, неизменно возглавляла оперный класс, в течение 1980–1982 годов – и кафедру сольного пения. Под руководством Мастера – М. П. Ожиговой – вузовский оперный класс стал настоящей творческой лабораторией, в которой бережно возвращались не только юные артисты, но и хормейстеры, концертмейстеры, даже режиссёры. Отсутствие полноценной сценической площадки и оркестра ограничивало творческие возможности Маргариты Петровны. Однако сценическое воплощение отдельных оперных сцен, отобранных ею с поразительной

чуткостью, способствовало профессиональному развитию *каждого* певца, являлось для многих прекрасным стимулом в плане артистического совершенствования. В репертуаре оперного класса были представлены «Садко», «Снегурочка», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова; «Пиковая дама», «Иоланта», «Чародейка», «Евгений Онегин» П. Чайковского и др. Среди опер, которые ставились целиком, фигурировали «Каменный гость» А. Даргомыжского, «Чио-Чио-сан» и «Богема» Дж. Пуччини, «Человеческий голос» Ф. Пуленка, «Ведьма» В. Власова и В. Фере, водевиль «Обман за обман» А. Верстовского.

В автобиографии М. П. Ожиговой, хранящейся в архиве Ростовской консерватории, привлекает внимание фраза: «Я люблю работать с молодежью, не испорченной штампами». Это чувство было взаимным. Встречи, переписка, вопросы, ответы, пожелания, напутствия... Для каждого у Мастера находилось время, слово поддержки, совет, при необходимости могла последовать и практическая помощь молодому артисту. Среди её выпускников – немало известных отечественных музыкантов: В. Агабабов, С. Добронравова, В. Мостицкий, Н. Майборода, Н. Ненадовский, И. Лопарева, Е. Комарова, Е. Долгова, А. Басалаев, А. Субботин, С. Шушарджан, Г. Верхогляд, В. Костин, М. Кастаньян, Н. Хачатурян, Т. Шорлуян, Н. Антоненко, Н. Мещерякова и др.

Встреча с семьей Ожиговых стала и для меня судьбоносной. Сначала (1971–1973), готовясь к поступлению в РГМПИ, я брала уроки по теории музыки у Марии Владимировны – дочери М. П., затем (1974–1977) работала в оперном классе концертмейстером и дирижёром под непосредственным руководством Мастера. Процесс творческого общения (как на работе, так и дома) представлял собой подлинную школу не только профессионального мастерства, но и повседневного «жизнеустроения», чему способствовали исключительная внутренняя дисциплина и умение организовать личное время, присущие Маргарите Петровне. (Достаточно вспомнить составляемые М. П. Ожиговой ежедневные поминутные «производственные графики» абсолютно для каждого, кто участвовал в работе оперного класса.) Позднее, обучаясь в ассистентуре-стажировке при Ленинградской консерватории, я не раз встречалась с родной сестрой М. П. – Еленой Петровной (крупным отечественным историком науки, кандидатом физико-математических наук – см.: [4]) и её мужем Иваном Васильевичем Ефремовым (кандидатом филологических наук, известным специалистом в области русского песенного

фольклора). Яркое воспоминание оставили в моей памяти и встречи с мамой М. П. и Е. П. – Софьей Иосифовной Ожиговой. Все они относились ко мне тепло и сердечно.

Семья Ожиговых состояла из абсолютно разных, ярких и неповторимых, в высшей степени одарённых, высокоэрудированных, профессионально образованных личностей. Центральным, определяющим моментом для каждого члена этой семьи было Дело, вокруг которого неизменно концентрировалась жизнь: работа, общение с людьми, домашний быт. Всё остальное фактически существовало на каком-то удалении... Объединяла Ожиговых неизменная преданность друг другу (самые трудные испытания лишь сплывали эту семью), уважительное и бережное отношение к творческим интересам каждого. В семейных архивах накапливались и сохранялись черновые записи, рабочие конспекты, личные дневники, письма, рукописи. Помимо этого, среди друзей и коллег Ожиговых были и, к счастью, есть люди, неравнодушные к духовному наследию этой уникальной семьи.

В частности, у меня также возникло стремление к поиску и собиранию архивных материалов, связанных с творчеством М. П. Ожиговой. Речь идёт, прежде всего, о подготовке к публикации сохранившихся научно-методических работ и мемуарных очерков Маргариты Петровны. Волей судьбы некоторые из этих материалов оказались рассеянными в отдалённых городах российской провинции, что объясняется многолетними «странствиями» М. П. К счастью, значительная часть её литературного архива, благодаря настойчивым усилиям дочери – Марии Владимировны Ожиговой, сконцентрирована в Ростове. Кое-что к настоящему времени опубликовано в изданиях Ростовской консерватории (см., например: [5]).

Представленный ниже мемуарный очерк о событиях периода Великой Отечественной войны был обнаружен среди архивных материалов Елены Петровны Ожиговой её коллегами и друзьями – Татьяной Аркадьевной Раабтелен и Галиной Павловной Матвиевской¹. По-видимому, сёстры Ожиговы намеревались подготовить совместную публикацию, посвящённую ленинградской блокаде. Их воспоминания о блокадных днях были высланы мне Г. П. Матвиевской из Оренбурга в декабре 2012 года. В сопроводительном письме Галина Павловна сообщила: «Эти бумаги в своё время собирала и приводила в порядок я. Сейчас они сданы в Архив РАН и пока не доступны. Но я сняла ксерокопии воспоминаний Ожиговых о блокаде <...> спешу отправить их Вам. Очень рада,

что эта замечательная рукопись попадёт к тем, кто помнит и любит замечательных людей – Ожиговых».

Воспоминания Маргариты Петровны, предположительно датированные первой половиной 1980-х годов, отличаются литературной отшлифованностью, подробностью, обстоятельностью изложения. В них ярко очерчен образ автора – человека бескомпромиссного и целеустремлённого, чуждающегося каких-либо проявлений слабости, любящего острое, искромётное слово («не в бровь, а в глаз»). Вероятно, М. П. планировала продолжить данный очерк. Воспоминания Елены Петровны, сосредоточенные в основном на личных переживаниях блокадных тягот (что, несомненно, объясняется разницей в возрасте – к началу войны Е. П. исполнилось только 18 лет), эмоционально окрашенные, содержат ряд ценных уточнений и дополнений к мемуарам старшей сестры. Именно поэтому некоторые выдержки из упомянутых рукописных материалов приводятся в комментариях к данной публикации.

18 июня 1941 года я получила красный диплом оперного режиссёра. Ехать по направлению на работу в Казанский оперный театр нужно было только в сентябре. Поэтому я с удовольствием приняла предложение Ленинградского Дома Красной армии – ДКА – провести в городе Сортавала красноармейскую Олимпиаду художественной самодеятельности (в студенческие годы я систематически подрабатывала в ДКА в качестве внештатного инструктора по самодеятельности в различных армейских частях).

Вдвоём с балетмейстером, в самом боевом и рабочем настроении явились мы представиться начальнику Сортавальского гарнизона. Его реакция на наш приезд была совершенно неожиданной. С минуту он молча смотрел на нас, как на свалившихся с Луны, а потом с возмущением закричал: «Что они там, в Ленинграде?! С ума посходили? Какая Олимпиада? Какая, к чёрту, самодеятельность? Война начинается! У нас вчера трёх немецких шпионов поймали! Над городом круглые сутки летают, как у себя дома, немецкие самолёты! Немедленно уезжайте обратно».

Но в Ленинград поезда уже не шли. Всю ночь мы с женой начальника гарнизона провели у радиоприёмника, ловя различные станции. Слышали лающий голос Гитлера, слышали обрывки чьей-то речи на ломаном русском языке: «Русские матери, жёны, сёстры! Мы знаем, что в вашей стране не принято молиться, но в этот страшный час вы, конечно, молитесь о своих мужьях и братьях. Британия слышит вас и молится вместе с вами». Наша хозяйка утвержда-

ла, что это была речь Черчилля, но мы этого не расслышали. Да и потом я никогда не могла узнать, чей это голос мы слышали в ночь с 21-го на 22-е июня 1941 года.

Утром прибежавший из штаба начальник гарнизона посадил нас на поезд, идущий в Кексгольм², напутствовав пробираться оттуда в Ленинград самостоятельно. Дорога от Ленинграда до Сортавалы длилась несколько часов. Путешествие же из Сортавалы до Ленинграда длилось неделю.

Только 3 июля мне с большим трудом удалось отправить в эвакуацию своего трёхлетнего «домашнего» (то есть не посещавшего детсад) ребенка³. Прямо с вокзала, с ещё не высохшими от слёз глазами, я бросилась в военкомат с просьбой немедленно отправить меня на фронт. Военком спросил, что я умею делать, – имею ли отношение к медицине, быстро ли печатаю на машинке. Узнав, что я новоиспечённый оперный режиссер, он усмехнулся и сказал, что «ни в режиссёрах, ни в опере пока что армия не нуждается. Надо будет – позовут». Примерно такой же разговор произошёл во втором и третьем военкоматах...

Но вскоре стало создаваться народное ополчение, куда принимали и женщин. Туда я и ринулась. Ополченцев обучали стрельбе из винтовки, обращению с гранатами и противогазом, занимались строевой подготовкой, учили разбирать, чистить и собирать механизмы винтовки и револьвера.

Но огромную армию ополченцев надо было чем-то кормить, тогда как во время пожара Бадаевских складов все запасы продовольствия сгорели, сразу начался голод. Ополченцев, собравшихся в казармы, кормили только дважды в день маленькой порцией вареной чечевицы. Но и она вскоре была съедена. Наш ополченский отряд расформировали. Мужчины сугубо интеллектуального Дзержинского района (профессора, студенты, врачи, педагоги и др.), способные носить оружие, были отправлены на фронт. Большинство из них – необученных, невыносливых, беспомощных, близоруких – погибло в первых же боях. Среди них [были] композиторы Б. Гольц, В. Фризе, В. Томилин (последний погиб, кажется, позже) и многие другие музыканты⁴.

Нас, женщин, срочно распределили по «вакантным» местам, оставшимся после ухода в армию мужчин-ополченцев. Меня, как дважды окончившую Ленинградскую консерваторию, без всяких разговоров направили в Музгиз музыкальным консультантом. В течение недели я сделала там «головкружительную карьеру»: через два дня была редактором, ещё через два

– главным редактором, а к концу недели уже совмещала две должности: главного редактора и директора. Но я была глубоко возмущена: я шла в ополчение, чтобы попасть на фронт, а вместо этого очутилась в Музгизе! К счастью, ДКА очень быстро меня разыскал и предложил, как сказал инструктор Мисюнес, «очень важную работу» – ездить по фронтовым батальонам и «поднимать дух» усталых и голодных бойцов. Мне прикомандировали баяниста.

Работа заключалась в следующем: я являлась к комиссару батальона и получала от него материал для сценария – кто как воюет, кто проявляет себя геройски, кто трусоват, какие драматические или комические эпизоды случаются в части, словом, все новости за последние дни. Я находила себе уголок, где в течение одного-двух часов «стряпала» из полученного материала всякие сценки, клоунады (неприменно с участием «Гитлера», которого бойцы любили изображать, нарисовав себе углём усики и сделав соответствующую причёску), частушки, раёшники и связующий всё конферанс. Комиссар, проверив текст, давал мне 3–4 человек из части, обладавших каким-либо талантом. Мы наскоро репетировали «программу», вкрапывая в неё и различные сольные номера: кто пел, кто плясал, кто читал стихи, кто на чём-нибудь играл, показывал фокусы и пр. И сама я участвовала в представлении – читала стихи, рассказы советских авторов, пела с кем-нибудь на пару частушки, вела конферанс. Всё было «на злобу дня» и потому усваивалось исполнителями очень быстро. Когда всё было более или менее отрепетировано, мы ходили по блиндажам и давали свои концерты.

Голодные, измученные боями люди сначала встречали нас неприветливо, даже неприязненно, но баян призывно играл весёлые песни, и следовавшие за ними частушки на местные темы, со знакомыми прозвищами и фамилиями, не могли оставить бойцов равнодушными: поднимались головы, лежавшие садились, с верхних нар спрыгивали вниз, словом, постепенно все оживали. Тут же находились и новые «таланты», экспромтом принимавшие участие в «концерте». Слышались ободряющие реплики, смех, аплодисменты. «Лёд таял» очень быстро, и когда мы уходили, вслед нам кричали: «Приходите ещё, спасибо!».

Заканчивалось обычно всё общим хором. Я пользовалась своей «властью» в Музгизе и издавала песенники с подтекстовкой старых, знакомых всем песен на новый лад. Эти песенники я раздавала желающим на память. Никогда, ни до, ни после этих «концертов», призванных «поднимать дух» бойцов, я не чувствовала себя такой нужной и полезной.

Многие километры пути до фронтовой полосы и обратно (транспорта уже не было), напряжение, с которым в короткое время сочинялся текст, энергия преодоления инертности, усталости голодных бойцов – всё это было неплохим экзаменом на твою человеческую прочность, тем более что и собственные физические силы убывали с каждым днём, а непрерывно сосущее чувство голода с каждым днем увеличивалось.

Баянист мой погиб, ДКА прикрепил ко мне скрипача. Имя и фамилий ни того, ни другого не помню. Вообще, пережив блокаду, я почти потеряла память и с большим трудом потом её восстанавливала. И сейчас в ней сохраняются какие-то провалы. Так, я совершенно не помню, кому и при каких обстоятельствах сдавала дела в Музгизе. Когда композитор А. С. Леман через много лет случайно в антракте филармонического концерта подвёл ко мне незнакомого человека и сказал: «Друзья встречаются вновь», – я в недоумении посмотрела на него. Оказалось, что именно этому человеку я сдала музгизовские дела, уходя, вернее, «уползая» в воинскую часть⁵. Кроме того, я совершенно не помню, что ещё издавалось Музгизом, когда я туда пришла.

Впрочем, такая потеря памяти и не удивительна, ибо наша семья начала голодать значительно раньше других. Когда в начале войны мудрые ленинградцы бросились в магазины делать запасы муки, масла, круп, консервов и т. д., мы принципиально не сделали никаких покупок: «У Советской власти продуктов на всех хватит, да и войну мы вскоре выиграем», и т. д. Это, мол, обыватели хватают что попало из жадности. Поэтому, когда большинство ленинградцев из чувства стадности ещё жили своими запасами, мы уже голодали.

Я перебралась к матери, потому что она и сестра одними из первых слегли и были совершенно беспомощны. Путешествия мои во фронтовую полосу постепенно прекратились. Блокада брала своё⁶.

Мой блокадный день начинался с похода за водой. Она понемножку капала из колонки на углу ул. Союза связи и пер. Подбельского. Минут сорок уходило на стояние в очереди и ожидание, когда накапает с четверть ведра воды. Больше всё равно было не донести на третий этаж. Позже я просто растапливала снег. Придя домой, я принималась рубить очередной стол или стул (что легче кололось) и затапливала «буржуйку». Шла за хлебом. Все мы выпивали по полчашки кипятка с хлебом (хлеб был больше похож на глину с опилками). Каждый старался свои 125 граммов растянуть на целый день.

После «завтрака» я тащи́лась на работу (от Главного почтамта до Гродненского переулка – расстояние весьма солидное). Чтобы хватило сил дойти, я брала с собой корочку хлеба и на середине дороги съедала её (моему организму, как машине, требовалась «смазка»).

На работе каждый день начинался с выяснения вопроса: кто жив и кто умер. Умершего прямо на работе наша дворничиха бралась довести до пункта, откуда трупы на машинах увозились в морг, лишь за 100 гр. хлеба. Мы собирали его по кусочку и отдавали ей. Кто жил ближе, приносил простыню, чтобы завернуть в неё умершего и зашпиливать её на нём английскими булавками. Кто-нибудь глубокомысленно говорил: «Счастливая! Ей теперь уже не холодно» – или: «Ему уже больше есть не хочется». Не помню, издавали ли тогда что-нибудь, кроме песен в виде листовок и сборников. В типографии ещё до моего появления три четверти рабочих ушли в армию, а остальные понемногу таяли. Часто выключали электричество. В редакции тоже люди на глазах превращались в какие-то бесплотные существа.

Благодаря моей связи с ДКА мне удалось прикрепить к дековской столовой оставшихся в живых работников издательства. Там ежедневно без карточек кормили прикрепленных супом из хряпы, то есть из оставшихся на полях после уборки урожая полусгнивших листьев и корней капусты и других овощей. Этот «приварок» к 125 граммам хлеба очень выручал нас не питательностью своей (её не было), а тем, что посреди рабочего дня можно было проглотить тарелку чего-то горячего. Тем более, что Короткая улица, где находился ДКА, была рядом с Гродненским переулком.

После работы я еле тащи́лась домой, одной рукой опираясь на палку, в другой бережно неся бидон с дековским супом. Дома всё начиналось сначала: подтыкались матрацами и одеялами окна с выбитыми бесконечными бомбёжками стёклами, топи́лась «буржуйка». Суп из хряпы делился на три порции, и это изображало обед. Ложились мы рано, экономя горючее (не помню, в каком горючем коптил тонкий фитилёк из ваты). У моей кровати стоял этот самый огонёк. Я ложилась в кровать в пальто, шапке и валенках, и начиналось чтение вслух «Записок Пиквикского клуба» Диккенса. Время от времени кто-нибудь прерывал моё чтение, услышав, что «Сэм Уэллер лёг спать голодным, ибо на ужин у него был только стакан кислого вина, кусок хлеба с сыром и яблоко». Мама возмущалась: «И что, господи, человеку надо: и хлеб, и сыр, и яблоко! А он ещё жалуется на голод!».

Утром я подходила к матери и сестре, чтобы удостовериться, что они дышат, живы, и снова

начинался блокадный день. Он приносил только мрачные новости: умер друг, умерли соседка и её сын, уважаемый товарищ съел свою любимую собаку – можно сказать, друга (кстати, я знала лишь одного настолько благородного человека, который потащился «к чёрту на рога», чтобы усыпить свою замечательную собаку, когда увидел, как она страдает от голода. Это был чудесный человек и даровитый композитор, у которого я иногда бывала, – Юрий Владимирович Кочуров)⁷.

Воспитанная и интеллигентная соседка сверху, с которой мы неизменно раскланивались при встрече на лестнице, оказалась людоедкой и была расстреляна вместе со своей домработницей, помогавшей ей ловить детей и продавать их мясо на базаре. Трое детей, из которых старшему было 10 лет, убили старушку, отказавшуюся отдать им свой хлеб, – забросали её с лестницы кирпичами. За стеной маминной комнаты умирал сосед, жена которого ушла к дочери, забрав его продуктовые карточки и обрекая на голодную смерть.

Не помню, когда прекратились мои походы во фронтовую полосу, но думаю, что в конце ноября. По крайней мере, уже 21-го ноября нахожусь в своём блокадном дневнике, который вела от случая к случаю, такую запись: «Ноги отекли до колен, превратились в две колоды, которые, кажется, не сдвинешь с места. Лицо опухло и посинело, не глаза, а две узкие щёлки. В ДКА ещё уверены, что я смогу поработать в морской пехоте, куда они прислали мне направление, а я уже ни на что не способна, ни сочинять смешное, ни петь частушки, ни добираться до фронтовой полосы, а своим видом я могу только испугать всех...».

Но, наконец, о работе. Зима 41-го была, как всем известно, небывало морозная, а так как почти во всём городе от бомбёжек и артиллерийских обстрелов вылетели стёкла, то неизвестно, где было холоднее – на улице или в домах. Электричество то и дело гасло. Тем не менее, какая-то работа в Музгизе шла. Выпускались листовки с новыми песнями ленинградских композиторов, сборники песен. Писали их Г. Носов, М. Глух, И. Держинский, В. Томилин, Л. Ходжа-Эйнатов, Г. Фарди и, конечно, В. Соловьев-Седой. Поэты, писавшие для них тексты, – А. Чуркин, Е. Рывина, Г. Корейша, М. Бычков, Л. Рахмилевич, Н. Браун, который трижды тонул в Балтийском море из-за гибели или повреждения кораблей, на которых добирался до Ленинграда.

Композиторы заходили часто в издательство. Две песни нам дал Д. Шостакович. Одна из них была написана на стихи молодого поэта Льва

Рахмилевича. Названия её не помню, сборника, в котором она печаталась, тоже⁸.

Вторая (чей текст – тоже не помню) представляла собой торжественный гимн в честь Сталина и носила удивительно величественный и возвышенный характер. Называлась она «Клятва наркомуну»⁹. На редсовете она вызвала жаркие споры, ибо была совершенно не похожа на всё предшествующее творчество Дмитрия Дмитриевича. «Первую скрипку» в этом совете играл А. Анисимов – убежденный рапповец¹⁰. Он был категорически против её издания. Считал, что после «исторических постановлений», в которых о музыке Шостаковича говорилось как о воспроизводящей звуки бетономешалок и камнедробилок (или что-то в этом роде), композитор испугался и впал в примитивизм, бросился в другую крайность. Большинство с ним согласилось (из кого состояло это большинство и вообще редсовет, я совершенно не помню).

Я была всю жизнь яростной поклонницей Шостаковича и заявила: «Что бы вы тут ни говорили, пока я возглавляю Музгиз, каждая нота, написанная гениальным композитором, будет напечатана». Все встали и молча разошлись, с возмущением глядя на меня. В то время слово «гениальный» ещё не произносилось вслух, хотя, вероятно, многие думали так же, как и я.

Я выписала, к ужасу нашего главбуха, 1000 рублей за «Клятву наркомуну», тогда как обычно за песню выплачивался гонорар в размере 100 рублей или около того. Бухгалтер сказал, что не может выплатить такой суммы, но я поставила на документе вторую подпись, и ему пришлось смириться.

Д. Шостакович через пару дней улетел из Ленинграда, и мы с ним много лет не виделись¹¹. Когда же встретились в 60-х годах (точно не помню, когда) на фестивале его музыки в Горьком, он вдруг вспомнил про эту тысячу и сказал: «Если бы ты знала, как меня тогда выручили эти деньги! Ведь я летел на Большую землю без копейки в кармане!»¹².

Совершенно не помню, чем кончилось дело с «Клятвой наркомуну», в каком сборнике она была напечатана. Может быть, в «Краснофлотском»? С ним вышла довольно смешная история. В консерватории мы учились вместе, были в комсомоле с неким Лёвой Круцем. Кажется, он был скрипач. Во время войны он ходил почему-то во флотской форме. То ли он работал у моряков в редакции газеты, то ли ещё где-нибудь, не знаю. Как-то он позвонил мне и обратился со странной просьбой: «У тебя выпускается “Краснофлотский” сборник. Пожалуйста, поставь рядом со своей фамилией редактора и мою». К сборнику он никакого отношения

не имел, как и вообще к Музгизу, и потому эта просьба меня ошеломила. Я спросила, зачем ему это нужно. Он ответил: «Это не телефонный разговор. Встретимся – объясню». Повторил, что от этого у него многое зависит, и ещё раз очень попросил так сделать. Я сделала, хотя не имела на это ни права, ни основания.

Встретиться нам не пришлось. Я заболела всерьёз и надолго. А когда вышла на работу, увидела тот самый «Краснофлотский» сборник, который был за это время выпущен. Фамилия редактора была единственная – Л. Круц. Меня вообще не существовало¹³.

Я не помню, возможно, именно в этом сборнике появилась «Клятва наркомуну»¹⁴. У меня есть её текст, но без фамилии автора. Музыку я помню настолько точно, что могу, если нужно было бы, её записать.

Одна капитальная работа в издательстве, во всяком случае, была. Если не ошибаюсь, это был 1-й том «Всеобщей истории музыки» профессора Р. И. Грубера. Этот том был посвящён первобытной музыке – музыке дикарей¹⁵. Кому нужна была эта дикарская музыка в период страшных потрясений и поражений на фронте, в изнывающем от голода и холода Ленинграде?! Но она, видимо, как и 7-я симфония Шостаковича, как и музыковедческие работы Б. В. Асафьева¹⁶, свидетельствовала о том, что осаждённый город, несмотря ни на что, живет полнокровной творческой жизнью.

Не помню, в связи с этим или с чем-нибудь другим, меня неожиданно вызвали в Смольный. С воспалением лёгких и голодным колитом я отправилась в это длинейшее путешествие от Главного почтамта в Смольный. Я шла туда часа два, если не больше. Войдя в вестибюль Смольного, я была совершенно потрясена увиденным. Горел яркий «довоенный» электрический свет, паркет был начищен до блеска, в гардеробе пришлось раздеться, распутать все свои шерстяные платки и кофты. В закопчённом, измятом платье я ощутила себя там как бы пришельцей из другого мира. Мне и в голову не приходило, что, придя в Смольный, нужно снимать верхнюю одежду. Все мы так отвыкли от этого.

Было сверхъестественно тепло. Голова у меня совершенно не работала, кружилась, ноги дрожали и подкашивались. Инструктор не то обкома, не то горкома КПСС, оглядев меня с ног до головы, учинил мне по всей строгости допрос о музгизовских делах. Я же смотрела на его чистенький костюм, белую рубашку и галстук и поражалась его «ухаживенности». Мне казалось, что я разговариваю с глухим: я ему говорю, что в издательстве нет воды, нет света, стужа, а он упорно расспрашивает, что мы издаём, и пр.

Я ему перечисляю умерших сотрудников и рабочих типографии, рассказываю, с каким трудом удалось устроить кое-кого в стационар, что у самой меня воспаление легких и дистрофия. Он накричал на меня. Помню, что особенно меня обидело его выражение: «У вас там у всех дистрофия мозга». Я, не отвечая ему, пошла к двери. Обернулась и сказала: «Пришлите на моё место здорового человека, без дистрофии мозга», – и, не прощаясь, ушла¹⁷.

Я чувствовала, что уже «дохожу». Когда я после этого визита в Смольный окончательно слегла, как снег на голову, свалился из Москвы Роман Ильич Грубер. Несмотря на то, что у меня была температура 40°, а на улице почти столько же со знаком минус, он буквально «вытащил» меня из постели и поволок в Музгиз, несмотря на вопли моей матери. Он заявил: «У вас воспаление легких, а у меня флегмона, и я всё-таки прилетел сюда, как ни трудно было попасть на самолет»¹⁸.

Как пьяная, шатаясь, я плелась за ним в Музгиз. Профессор Грубер был одержим одной, всецело поглощавшей его идеей: его книга должна немедленно быть напечатана именно в Ленинграде, именно в блокаду. Дождаться окончания войны значило потерять весь эффект её появления¹⁹. Он, казалось, не замечал ни попадавшихся нам по дороге трупов, которые ещё не успели убрать, ни закутанных поверх пальто в одеялах мужчин с самодельными муфтами для рук, ни женщин с закопчёнными носами в дорогих котиковых шубках, перевязанных грязной веревкой. Он мог думать и говорить только о своей книге²⁰.

Чтобы отвлечь его внимание от этой темы, я напомнила ему, как мы с ним и другими «кавалеристами» из консерватории ездили верхом в Манеже Зимнего дворца и как студенты сочинили песенку «Лихие мы кавалеристы», в которой фигурировали его феска и розовые шаровары. Но он, по-моему, даже не понял, о чём я сказала, и только промычал что-то вроде «да, да»...²¹

Поддерживая друг друга, мы кое-как доплелись до издательства. Там мне стало совсем плохо. Ничего не соображая, я подписывала какие-то чеки, бумажки, не читая их.

Перед своей болезнью я каким-то чудом ухитрилась раздобыть несколько килограммов столлярного клея, очевидно, для переплётов «дикарского» тома. Оставшуюся лишней часть его мы по-братски разделили на 5 или 6 человек, оставшихся к этому времени в живых. Думаю, что именно этот клей, из которого мы варили суп и студень, спас нам жизнь. Он казался нам почти таким же вкусным, как и лепешки из кофейной гущи с горчицей, поджаренные на касторке.

Работая в послевоенные годы главным режиссёром в Казанском, Саратовском, Новосибирском оперных театрах, вечно занятая своими постановками, я старалась не вспоминать о блокаде и Музгизе, где постепенно умирали мои товарищи по работе, а у меня не было сил спасти их. И потому, наверное, я впоследствии даже не поинтересовалась, вышел ли в блокадное время 1-й том Грубера. Больше того: я не знаю до сих пор, была ли издана после войны его «Всеобщая история музыки», хотя и понимаю, что это говорит о моём нелюбопытстве и невежестве²².

В Ленинграде в годы блокады выживал тот, кто не давал себе ложиться. Я держалась до последнего, но, в конце концов, воспаление лёгких и голодный колит свалили и меня. Последней каплей было хождение с Грубером в Музгиз.

Сил жить больше не было. Я легла умирать. Был конец марта. И вдруг, как в сказке, пришло спасение. Из одного БАО (батальона аэродромного обслуживания) приехал в Ленинград в командировку офицер. Там я бывала с баянистом не раз. Этот офицер нашёл меня через ДКА. Он рассказал, что комиссар БАО велел ему меня разыскать и, если я ещё жива, то привезти к ним в часть. Он пересказал слова комиссара очень точно: «Привези ты к нам эту бабу, если она ещё не умерла. Она нам очень пригодится».

Он увёз меня с собой, и там с месяц я жила в санчасти, приходя в себя. Но должна признаться, что, живя потом в какой-то деревне Рынде-ла, я ещё вела себя как блокадница. Я жила с хозяйкой избы на кухне, а в горнице жили летчики. Рано утром, перед полётом, они завтракали у себя в комнате. Стоило им уйти, как я собирала у них со стола все крошки и корки и с жадностью их съедала. Когда старушка-хозяйка чистила картошку и жаловалась на голодное время, я просто презирала её: ведь мы в Ленинграде бывали счастливы, когда нам удавалось купить за большие деньги хоть 100 гр. картофельной шелухи, чтобы делать из нее лепёшки! (Но это было в начале блокады, потом купить было ничего нельзя.)

За время службы в армии, сначала вольнонаёмной, потом военнотрудовой, мне удалось дважды побывать в Ленинграде. Обычно в командировки старались посылать ленинградцев. Все земляки отправляли с командированными посылочки со съестным (мы стояли тогда на более сытном Волховском фронте). Но с этими «гостинцами» почти всегда что-то случалось: то их где-то теряли, забывали, то их кто-то обворовывал, отнимал, словом, редко они доходили до адресата. Чаще всего это происходило так: командированному необходимо было выполнить

поручения, навестить родных. Разносить посылки в разные концы города у него не было ни времени, ни сил. Он поручал передавать их «верному человеку», но и тому не улыбалось таскаться с чужими посылками многие километры. Гостинцы, в конце концов, съедались этими «верными», но голодными людьми, а иногда посылки не доходили к адресату из-за его смерти.

Мне в части доверяли и были спокойны: эта доставит куда надо наши посылки, но... и со мной случилась беда! Со станции Волхов мне надо было ехать на поезде до станции, кажется, называвшейся Кобона²³. В середине длиннейшего товарного состава был прицеплен зелёный пассажирский вагон, в котором ехали командированные. Я долго сидела и мёрзла в вагоне, а потом решила сходить в продкульт поужинать по аттестату. Проводница сказала, что поезд пойдёт в 2 часа ночи.

Я прогуливалась возле полуразбитого вокзала, чтобы согреться. Часов в 9 я на всякий случай спросила у какого-то железнодорожника, не отправился ли мой поезд раньше. Он показал мне на состав, медленно двинувшийся на одном из дальних путей: «Вот он, уже отходит». Я, как бешеная, бросилась к поезду, вскочила в первый попавшийся, открытый ветром тамбур с надеждой, когда он где-нибудь остановится, найти свой вагон. Но когда состав где-то остановился, я пробежала вдоль всего поезда – зелёного вагона в нём не оказалось. Я была в отчаянии: ведь там остался мой «сидор», то есть вещмешок со всеми посылками и моим собственным сухим пайком! На станцию Кобона я приехала в 6 часов утра, промёрзшая до костей, и решила ждать свой поезд.

Не знаю, был ли этот человек, который указал мне на «мой» поезд, просто ни о чём не осведомлён, или так зло подшутил надо мной. Зелёный вагон показался часа через два. Я пустилась к нему во всю прыть, вбежала, ища свой вещмешок, но его не было. Офицеры, ехавшие в вагоне, быстро разошлись. Те, кого я успела спросить про мешок, советовали мне обратиться к проводнице. Проводница же уверяла, что мешок взял один из офицеров, сказавший, что передаст его мне: это, мол, женщина из моей части. Итак, мешка не было. Не было ни посылок, ни собственной еды – ничего. В ужасном состоянии я добрела до места, откуда уходили через Ладогу машины с продуктами в Ленинград, и стала в очередь. Беспеременно проходили грузовики, открывалась дверь кабины, в которую сажали к водителю одного человека. Это длилось какие-то секунды, и машина отъезжала. Подходила следующая машина, повторялось то же самое. За ней третья, четвёртая и так далее.

Очередь рассасывалась очень быстро. Я села к водителю – молодому черноглазому украинцу. Сначала мы ехали молча, потом он спросил меня, не ленинградка ли я. Я кивнула. Он удивился: «Как же ты с одной планшеткой в голодный Ленинград едешь? Родные твои живы?». Я сказала: «Да», – и заплакала. Рассказала про свою пропажу. Помолчали, потом он сказал: «Вот вчера я вёз галеты, консервы, шоколад. Я бы уж тебе отсыпал по такому несчастному случаю. А может, тебе пшеницы отсыпать, которую я сегодня везу?». Я с надеждой посмотрела на него и зашептала: «Так ты же везёшь продукты для ленинградцев?». Он решительно ответил: «А твои родные, что, разве не такие же ленинградцы?». Я говорю: «Так мне и взять-то пшеницу не во что». А он: «Снимай гимнастёрку и завяжи рукава узлом». Я не успела опомниться, как он на повороте въехал в какой-то сугроб. Не заметила, как у него в руках появился мешок, потому что в это время сбрасывала с себя полущубок и гимнастёрку. Он помог мне завязать узел и насыпал в гимнастёрку пшеницу. В Ленинграде я поняла, что это был его собственный мешок, ибо в пшенице утонули его кружка и ложка.

Вся «операция» произошла мгновенно. С этим драгоценным грузом я въехала в Ленинград. Ехали мы почему-то мимо консерватории, и я попросила его выпустить меня. Горячо поблагодарила водителя – красивого молодого украинца. В консерваторских коридорах первого этажа было темно от завешенных куском материи и чёрной бумагой окон (для маскировки). Бродили какие-то тени, в коридорах я с трудом узнавала старых знакомых – педагогов, концертмейстеров, студентов. Их было немного. Подавляющее большинство эвакуировалось, оставшиеся были тощими, постаревшими, усохшими.

Временным директором «объекта» – консерватории – оказалась моя соученица по оперно-режиссерскому факультету Тоня Лебедева. Она жила в кабинете Глазунова. Я бросилась к ней, опустила на пол гимнастёрку с пшеницей. Мы расцеловались, и я попросила её дать мне какую-нибудь кофточку. Рассказала ей о своей эпопее с украденным вещмешком, историю притащенной пшеницы и, наконец, села и осмотрелась. На рояле (не помню уже, Глазунова или Римского-Корсакова) лежала груда обгоревших по краям партитур и оперных клавиров, под роялем поместилась целая батарея фонарей «летучая мышь». Ковер был закатан почти до стенки, а в центре кабинета стояла «буржуйка».

Первое, что мы сделали после объятий и слёз, – сварили огромную кастрюлю пшеничной каши. На пиршество были созваны все, кто

нашёлся в консерватории. Их было немного. Они еле-еле тащились в директорский кабинет, кто с блюдцем, кто с миской, кто с кружкой. Ели, смаковали «роскошное блюдо» и даже улыбались. Вперемежку с едой рассказывали страшные новости: студента-дирижёра Астрова нашли в одном из классов Капеллы с отгрызенной крысами головой, музыковедку З. Эвальд нашли на улице мёртвой и полураздетой, другие говорили то же самое про Юлию Вейсберг – композиторшу, родственницу Римского-Корсакова²⁴. Никто точно ничего не знал. Говорилось это будничным тоном – видно, всё уже в людских сердцах перегорело и погасло.

Каши было так много, что все съели по две порции. Больше есть не решались. Тоня сказала: «Хватит. Остальное на завтра». Но ночью была дикая бомбёжка. Насколько я помню, был разворочен угол, где находятся кассы, снесло кусок крыши, многие случайно уцелевшие стёкла в эту ночь вылетели. Разбилось стекло и в кабинете Глазунова. Каша, стоявшая на окне, погибла, была «разбомблена». В неё насыпались стекла, кирпич, штукатурка. Мне показалось, что бедная моя Тоня была огорчена этим обстоятельством не меньше, чем развороченным углом консерватории.

На следующий день утром я навестила свою мать, находившуюся в стационаре для выхаживания дистрофиков, и разыскала сестру²⁵, а вторую половину дня разносила пакетики с пшеницей – вместо пропавших гостинцев, по трём адресам, которые помнила. Остальные адреса были написаны прямо на посылках, и вспомнить их я не могла.

Во второй свой приезд в Ленинград я случайно встретила на улице со своим бывшим мужем. Он служил где-то в артиллерии и приехал тоже в командировку. Несмотря на развод, мы остались большими друзьями до самой его смерти. Рассказав вкратце друг другу о своей жизни с начала войны, мы решили заглянуть в свою «альма матер» – консерваторию. Первым, кто нас там встретил, был человек, из-за которого я когда-то ушла от мужа. Мы стояли втроём в полутёмном коридоре первого этажа и, нелепо улыбаясь, рассматривали друг друга. Каждый невольно вспоминал прошлое, переоценивал его по-своему, и я думаю, что все наши прошлые «драматические» переживания казались нам такими мелкими, такими невесомыми после пережитого за последние годы... Мы постояли, помолчали и разошлись.

Я узнала, что бедная Тоня Лебедева незадолго до этого была отвезена в психиатрическую лечебницу, там, в знак протеста, объявила голодовку и умерла. Рассказали мне, и кто был ви-

новником этого преступления. Все считали её совершенно нормальной. Но всё это могло быть и непроверенными слухами. Я срочно должна была уезжать, а когда, демобилизовавшись, вернулась в родной Ленинград и хотела попытаться расследовать это дело, человек, на которого все указывали как на виновника Тониной гибели, был слепым. Сама судьба его наказала. А может быть, во всей этой истории не было и доли правды? Но... как говорится, нет дыма без огня.

Кроме двух командировочных поездок в Ленинград, была, собственно, ещё третья, о которой смешно и говорить. Служа в своей части (это был головной авиационный склад боеприпасов), я организовала там из девяти человек очень мобильную и даже квалифицированную концертную бригаду, которая обслуживала не только наши близлежащие части, но и останавливающиеся по соседству эвакогоспитали ЛВО и прочие части. Ансамбль наш был очень популярен благодаря политической злободневности репертуара и талантливым исполнителям. Присутствовавший на одном из наших выступлений полковник Жидких – начальник политотдела нашего 5-го района авиабазирования – настолько был им восхищён, что публично поблагодарил меня и подарил мне, вынув из кармана, широкий офицерский пояс (мне же полагалось носить узкий солдатский ремень) И вообще сказал нашему замполиту: «Оденьте вы вашу артистку и режиссёра по-человечески: дайте ей хромовые сапоги, новую гимнастерку» и т. д.

А через несколько дней я опять была послана в командировку. В Ленинграде меня забрал первый попавшийся патруль: «Почему, младший сержант, вы ходите в комсоставском ремне? – Мне его подарили за самодеятельность. – Ах, подарили! Ну вот, теперь отправляйтесь с вашим подарочком на гауптвахту». Так меня «замели». Это было уже весной. Ленинград чистился и приводился в порядок. Я его чистила вместе с оживающими ленинградцами неделю. Потом была отпущена на все четыре стороны. Ничего не сделав, я помчалась на попутных машинах к себе в часть, но её там уже не оказалось. Она двинулась вперёд. В политотделе я объяснила ситуацию, спросила, как и где мне искать свою часть. Начальник посмотрел на мою командировку и то, что на ней было написано в Ленинграде, и с усмешкой сказал своему помощнику: «Её послали на 3 дня в командировку, а она проторчала неделю и ничего не сделала. Отправь её пока на гауптвахту, потом разберёмся с ней».

В 5 часов утра старшина поднял меня с койки, приказав вымыть полы в здании уцелевшей школы, которую превратили в казарму. Воору-

жившись ведром и тряпкой, я пошла в верхний этаж и принялась за дело. Потом, заметив, что в углу зала стоит рояль, я решила попробовать, действует ли он. Но стоило мне заиграть, как из всех дверей понемногу стали появляться люди. Один офицер подошёл ко мне и спросил, играю ли я по нотам. Узнав, что играю, притащил какую-то песню, напечатанную в газете. Потом зашёл какой-то лейтенант и спросил, смогу ли я сыграть песни по слуху. Я сказала, что смогу. Тут пошли заказы и на «Землянку», и «На позицию девушка провожала бойца», и на «Прощай, любимый город». Я не заметила, как оказалась окружённой плотным кольцом военных разных рангов. Перебудила весь дом. «Заказы» сыпались со всех сторон. Многие подпевали, а кое-кто даже пел в полный голос – это, видимо, были собственные Карузо и Гобби.

Наконец, кто-то догадался спросить меня: «Откуда Вы взялись?» – «С гауптвахты», – говорю. Они разглядели, что сижу без ремешка, что посреди пола стоит ведро с тряпкой, и начали расспрашивать, как я сюда попала. Вдруг открывается дверь, и входит полковник Жидких, приехавший сюда с парткомиссией. Он сразу узнал меня и спросил, что я такое натворила. Я сказала: «Товарищ полковник, я здесь по Вашей милости!». И рассказала про историю с комсоставским ремнём. Он был явно смущён. В прошлом директор школы или училища, глубоко штатский человек, он не предвидел такой истории со своим подарком. Все кругом смеялись. Откуда-то взялась уборщица и закончила мою работу, кто-то, видимо, её позвал. Жидких просил меня подождать часик, пока он сделает свои дела. Он сказал, что ему надо заехать в нашу часть, и он меня захватит с собой.

Так закончилось моё третье военное путешествие в Ленинград. На этом мажорном аккорде я заканчиваю свои блокадные воспоминания.

О музыкальной жизни Ленинграда могу рассказать лишь то, что всем известно: [что] оба оперных театра и Оперная студия консерватории вместе с ней эвакуировались из Ленинграда, что мужественно всю блокаду работал Театр музыкальной комедии, что дирижёр Элиасберг умудрялся время от времени давать концерты симфонического оркестра в филармонии и по радио, что оперные артисты, оставшиеся в Ленинграде, организовали филиал театра и давали спектакли, что при ДКА работали без усталости бригады, составленные из артистов всех жанров, – их были сотни, они дали за войну астрономическое количество концертов. Но это всем известно и без меня. Это были герои, а я нет. Они были вместе, поддерживали друг друга. Я была одна и занималась не своим делом в Музгизе. Зато в армии я сразу нашла своё место. Программы, создаваемые нашим маленьким ансамблем, всегда принимались «на ура», боевые листки также были на моей обязанности, мы умудрились собрать небольшую библиотечку, которая была нарасхват. Одно время я была партгором части управления. В неё входили командир части, замполит, начальник штаба и др. Но для меня эта работа, с полным отсутствием дипломатии в характере, была очень обременительна, и на второй год я от неё категорически отказалась.

Самым тяжёлым бывала разгрузка привозимого вооружения. Мужчины носили самые тяжёлые ящики, а женщины менее тяжёлые – 48-килограммовые ящики. Наверное, впоследствии эти перегрузки сказались на женщинах нашей части, но тогда мы все безропотно помогали бойцам-мужчинам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галина Павловна Матвиевская – видный отечественный математик, историк науки, литературовед. Действительный член Международной академии истории наук и Академии наук Узбекистана. Доктор физико-математических наук. Автор более 250 научных публикаций; некоторые из них были написаны в соавторстве с Е. П. Ожиговой. Раабтелен Татьяна Аркадьевна – математик, преподаватель Военно-инженерного технического университета в Ленинграде – Санкт-Петербурге. Близкая подруга Е. П. Ожиговой.

² Кексгольмом до 1948 года назывался город Приозёрск Ленинградской области.

³ В неопубликованных мемуарных заметках М. В. Ожиговой говорится, что её (вместе с другими «домашними» детьми, эвакуированными из Ленинграда) отправили в Сибирь («какая-то деревня примерно в 100 километрах под Омском»). Лишь в 1944 году, после окончательного снятия блокады, «маме специально дали отпуск, чтобы меня забрать».

⁴ Композиторы В. Фризе и В. Томилин погибли в ходе боёв на подступах к Ленинграду в ноябре–декабре 1941 года, Б. Гольц умер на исходе первой блокадной зимы – 3 марта 1942-го.

⁵ Композитор А. Леман на протяжении осенне-зимнего периода 1941–1942 годов заве-

додал Музотделом Управления по делам искусств Ленгорисполкома, позднее был эвакуирован в Казань. Официальным преемником М. П. Ожиговой в Музгизе считался композитор М. Матвеев (см.: [3, с. 115–116]), вступивший в должность директора весной 1942 года.

⁶ Глава из неопубликованных воспоминаний Е. Ожиговой, посвящённая сестре, содержит весьма существенное дополнение: отказавшись по состоянию здоровья от концертно-агитационной работы в прифронтовой полосе, М. П. «...пошла в доноры, Институт переливания крови находился недалеко от Музгиза. <...> Там в день сдачи крови давали обед и через три (кажется) раза – паёк. К несчастью, большую часть пайка она отдавала профессору, который несколько раз делал мне уколы камфары, он жил над нами. <...> в Институте переливания крови... иногда надо было уговаривать взять кровь, для чего дарить регистраторше банки консервов из пайка. А сестра понемногу догоняла нас и тоже становилась дистрофиком. <...> В общем, мы с мамой обязаны ей жизнью».

⁷ Ю. Кочуров не покидал Ленинграда в годы блокады, работая в Доме композиторов.

⁸ Песня, о которой идёт речь, – «Идут страшные полки», сочинённая в июле 1941 года. Она предназначалась для сборника «В бой, ленинградцы», опубликованного Ленинградским отделением Музгиза в августе (см.: [7, с. 17; 6, с. 76]).

⁹ Автором текста упомянутой песни был В. Саянов.

¹⁰ А. Анисимов – хоровой дирижёр, композитор, в 1937–1949 годах – художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа (фронта).

¹¹ Официальное распоряжение об эвакуации датировалось 30 сентября; днём позже Д. Шостакович с семьёй вылетел в Москву на военно-транспортном самолёте [7, с. 597].

¹² М. П. Ожигова работала в Горьком с 1963 по 1968 годы. Следовательно, речь идёт о фестивале «Современная музыка», проходившем с 15 по 24 февраля 1964 года и включавшем более 40 концертов с программами из произведений Д. Шостаковича [7, с. 615]. Указанная датировка подтверждается и автором настоящих «Воспоминаний...» в более позднем очерке о Д. Шостаковиче (см.: [5, с. 92]).

¹³ К началу Великой Отечественной войны Л. Круц занимал должность ответственного секретаря Ленинградского союза советских композиторов; в творческой организации последнего не числился и композиторского образования, вероятно, не имел. Будучи призванным на военную службу в июле 1941 года, возглавил так называемую «композиторскую

группу Краснознамённого Балтфлота», состоявшую из профессиональных и самодеятельных «композиторов-балтийцев и прикрепленных к ним балтийцев-поэтов». Основная «творческая продукция группы систематически публиковалась в виде песенных сборников». – прежде всего, серии «Песни Краснознамённой Балтики» (выпуски 1–12 увидели свет на протяжении 1941–1944 годов [6, с. 20–24]). Судя по тому, что Л. Круц фигурировал в качестве ответственного редактора некоторых выпусков данной серии [3, с. 118–119; 1, с. 328], эта работа была вменена ему в обязанность (хотя при случае охотно перелagалась на чужие плечи).

¹⁴ Песня «Клятва наркомуну» открывала первый выпуск «Краснофлотского» сборника, подписанный к печати 1 сентября [6, с. 20–21].

¹⁵ Первый том «Истории музыкальной культуры» Р. Грубера («Всеобщей историей музыки» именовалось её второе, переработанное издание, частично опубликованное в 1950-е годы) состоял из двух частей. Раздел, посвящённый «музыке дикарей» (точнее, «музыкальной культуре первобытнообщинного строя»), сохранился в части I, увидевшей свет до начала войны. Часть II, печатавшаяся в блокадном Ленинграде, охватывала период с Позднего Средневековья (вторая половина XI столетия) до творчества Жоскена Дебре (последняя треть XV – начало XVI веков).

¹⁶ Речь идёт о брошюре Б. Асафьева «М. И. Глинка», приуроченной к 100-летию со дня первого представления оперы «Руслан и Людмила» и опубликованной Политиздатом в блокадном Ленинграде осенью 1942 года (см.: [6, с. 79]).

¹⁷ Связь упомянутого эпизода с изданием книги Р. Грубера представляется весьма вероятной. Как вспоминал позднее автор «Истории музыкальной культуры», он сразу же после прибытия в Ленинград, заручившись поддержкой городского уполномоченного по делам искусств П. Рачинского, «...отправился... к заведующему отделом печати горкома партии тов. Белову в Смольный. <...> Ознакомившись с моей просьбой, Белов энтузиастически воскликнул (дело было 24 октября): “Вот хорошо бы такую монументальную, богато иллюстрированную книгу выпустить под носом у Гитлера, в блокированном Ленинграде к Октябрьским праздникам!”. И тут же позвонил директору типографии тов. Фридлянду с указанием немедленно печатать 2-ю часть» [3, с. 156]. Аналогичным образом могло быть «стимулировано» и руководство Музгиза. Правда, о каких-либо прямых контактах с его дирекцией Р. Грубер не сообщал, однако успешный ход типографских работ (в частности, получение бумаги на складе указанного изда-

тельства [3, с. 157–158]) настоятельно требовал документальных согласований и личных встреч.

¹⁸ В цитируемых воспоминаниях Р. Грубера соответствующий диагноз относится к февралю 1942 года, позднейшая операция и восстановительный период – к марту [3, с. 161–163].

¹⁹ Автор книги, в свою очередь, утверждал: «... если набор (2-й части “Истории музыкальной культуры”. – К. Ж.) будет рассыпан, то восстановить его нельзя будет ни вскоре после войны, ни тем более во время войны», и многолетний исследовательский труд погибнет. Между тем, избежать частичной «рассыпки набора» (около 10 печатных листов из 37) всё-таки не удалось, а соответствующие «восстановительные работы» (в июле 1942 года) прошли успешно [3, с. 152–153, 164].

²⁰ Мемуарный очерк Р. Грубера «Как печаталась книга» содержит довольно подробные описания «сурового облика Ленинграда» зимы 1941–1942 годов, упоминания трагических эпизодов того времени, включая события, «глубоко потрясшие» автора [3, с. 158–160], но всепоглощающая одержимость упомянутой публикацией здесь безусловно доминирует.

²¹ Учебный план оперно-режиссёрского факультета Ленинградской консерватории в довоенные годы предусматривал, наряду с прочими дисциплинами, освоение искусства верховой езды, которым живо интересовался и Р. Грубер.

²² Печатание запланированного тиража 2-й части I тома «Истории музыкальной культуры» (3000 экз.) было завершено в июле 1942 года [3, с. 164]. Том II (также в двух частях) был опубликован в Москве на протяжении 1953–1959 годов. «Всеобщая история музыки» (часть 1) при жизни автора публиковалась дважды – в 1956 и 1960 годах.

²³ Станция Кобона, расположенная на берегу Ладожского озера, в годы блокады являлась одним из ключевых пунктов легендарной Дороги жизни. Позднее – деревня в Кировском районе Ленинградской области.

²⁴ Музыковед-фольклорист З. Эвальд умерла в Ленинграде 27 января 1942 года («В этом месяце она потеряла продовольственные карточки», – отмечает А. Крюков), композитор Ю. Вейсберг, невестка Н. Римского-Корсакова, – 1 марта (её муж, историк и музыковед А. Римский-Корсаков, скончался до войны [1, с. 106, 126]).

²⁵ Согласно цитируемым воспоминаниям Е. Ожиговой (глава «В больнице»), они с матерью Софьей Иосифовной были приняты на стационарное лечение осенью 1942 года. Через несколько месяцев (1 января 1943 года) Елена вышла на работу, тогда как состояние здоровья матери улучшалось медленнее – она была выписана летом. Встреча, о которой идёт речь, могла состояться зимой или ранней весной 1943 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков А. Музыка в дни блокады: Хроника. СПб.: Композитор, 2002. 544 с.
2. Мещерякова Н. Мастер Маргарита (к 100-летию со дня рождения М. П. Ожиговой) // Южно-Российский музыкальный альманах–2008. Ростов н/Д: РГК им. С. Рахманинова, 2009. С. 219–224.
3. Музыка продолжала звучать: Ленинград. 1941–1944 / сост. А. Н. Крюков. Л.: Музыка, 1969. 296 с.
4. Елена Петровна Ожигова / сост. Л. И. Брылевская и др. СПб.: Нестор-История, 2008. 40 с.

(Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 5).

5. Ожигова М. Митя, Дмитрий Дмитриевич (Воспоминания о Д. Шостаковиче) // Музыкальная педагогика в идеях и лицах: сб. ст. Ростов н/Д: РГК им. С. В. Рахманинова, 1992. С. 84–97.
6. Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: информ. обзор. Л.: Искусство, 1946. 88 с.
7. Хентова С. Шостакович: Жизнь и творчество: монография: в 2 т. Л.: Сов. композитор, 1986. Т. 2. 624 с.

REFERENCES

1. Kryukov A. Muzyka v dni blokady: Khronika [A Music in Blockade Days: Chronicle]. St. Petersburg: Kompozitor Press, 2002. 544 p.
2. Mescheryakova N. Master Margarita (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Ozhigovoy) [Master Margarita: Towards the 100th Anniversary of M. Ozhigova's Birth]. Yuzhno-Rossiyskiy muzy-

kal'nyj al'manakh–2008 [South-Russian Music Anthology–2008]. Rostov-on-Don: Rostov State S. Rachmaninov Conservatoire, 2009. P. 219–224.

3. Muzyka prodolzhalo zvuchat': Leningrad. 1941–1944 [Music Continued to Sound: Leningrad. 1941–1944]. Compiled by A. Kryukov. Leningrad: Muzyka Press, 1969. 296 p.

4. Elena Petrovna Ozhigova. Compiled by L. Brylevskaya and oth. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Press, 2008. 40 p. (Materials to Biobibliography of Historians of Science and Technology. Issue 5).
5. *Ozhigova M. Mitya, Dmitriy Dmitrievich (Vospominaniya o D. Shostakoviche). [Mitya, Dmitriy Dmitrievich (Memoires on D. Shostakovich)]. Muzykal'naya pedagogika v ideyakh i litsakh [Musical Pedagogy in Ideas and Persons]: collected articles. Rostov-on-Don: Rostov State S. Rachmaninov Conservatoire, 1992. P. 84–97.*
6. *Rabota kompozitorov i muzykovedov Leningrada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Work of Leningrad Composers and Musicologists in the Years of the Great Patriotic War]: information survey. Leningrad: Iskusstvo Press, 1946. 88 p.*
7. *Khentova S. Shostakovich: Zhizn' i tvorchestvo [Shostakovich: Life and Work]: monography: in 2 vol. Leningrad: Sovetskiy kompozitor Press, 1986. Vol. 2. 624 p.*

—————
М. П. ОЖИГОВА.
ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА
Публикация и комментарии К. Жабинского
Вступительная статья Г. Хорошайло
—————

Настоящая публикация содержит не издававшиеся ранее воспоминания о блокадном Ленинграде, принадлежащие видному оперному режиссёру советской эпохи М. П. Ожиговой (1908–1987). Автор повествует о суровых испытаниях военного периода, о творческой деятельности музыкальных учреждений и отдельных музыкантов в исключительно тяжёлых условиях осаждённого города (среди них – Д. Шостакович, Р. Грубер, А. Анисимов, А. Лебедева, Л. Круц и др.). Комментарии к публикуемому тексту включают в себя фрагменты из других мемуарных источников, освещающих указанный

период и воссоздающих картину музыкальной жизни блокадного Ленинграда. Вступительная статья обозначает важнейшие вехи профессиональной биографии М. П. Ожиговой, подробно характеризует её персональный вклад в работу оперного класса и кафедры сольного пения Ростовского государственного музыкально-педагогического института.

Ключевые слова: Ленинградская консерватория, Ленинградское отделение Музгиза, нотоиздательская деятельность, Ленинградский Дом Красной Армии, фронтовые концертные бригады, Д. Шостакович, Р. Грубер.

—————
M. P. OZHIGOVA.
MEMOIRES ON BLOCKADE OF LENINGRAD
The publication and comments by K. Zhabinsky
The introductory article by G. Khoroshailo
—————

The present publication contains unpublished memoirs on blockading Leningrad belongs to prominent native opera director of Soviet age M. Ozhigova (1908–1987). The author relates about heavy trials of war space, creative activities by musical institutions and separate musicians in exceptionally severe conditions of the beleaguered town (among them – D. Shostakovich, R. Gruber, A. Anisimov, A. Lebedeva, L. Krutz and others). The comments to published text include some fragments from other memoir sources which throw light upon

the picture of musical life of blockading Leningrad. The introductory article emphasizes the most important landmarks of M. Ozhigova's professional biography, defines her personal contribution to work of the Opera school and the Department of Solo singing of Rostov State Musical-Pedagogical Institute.

Key words: Leningrad conservatoire, Leningrad branch of Muzgiz Press, publishing of music, Leningrad Palace of Red Army, front concert teams, D. Shostakovich, R. Gruber.

Жабинский Константин Анатольевич

старший библиограф

Хорошайло Галина Васильевна

кандидат искусствоведения, профессор кафедры хорового дирижирования

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

Россия, 344002, Ростов-на-Дону

e-mail: riocons@mail.ru

Zhabinsky Konstantin A.

Senior bibliographer

Khoroshailo Galina V.

PhD in Art Studies, Professor of the Department of Choral conducting

Rostov State S. Rachmaninov Conservatoire

Russia, 344002, Rostov-on-Don

e-mail: riocons@mail.ru

